

© 1993 г. ТАРЛАНОВ Э.К.

**ТЕНДЕНЦИИ В ДИНАМИКЕ ГЛАГОЛЬНЫХ НАКЛОНЕНИЙ
В ВОСТОЧНОЛЕЗГИНСКИХ ЯЗЫКАХ**

Едва ли будет преувеличением утверждение, что в современном языкознании на прочно господствующие позиции претендует то его направление или та его разновидность, которая занята проблемами типологии. Хотя типология, как внутриязыковая (выделение и квалификация разноуровневого языкового инвентаря по тем или иным принципам), так и межъязыковая (учитывающая и оценивающая черты, общие для многих языков), в той или иной степени всегда занимала важное место в лингвистических описаниях и объяснениях, тем не менее прежде она не выдвигалась в центр лингвистических устремлений, оставаясь областью проблематичных обобщений. Ситуация в корне изменилась в последние несколько десятилетий. "Прогресс типологии находит свое выражение в последовательном отпочковании от собственно типологии целого ряда других разновидностей структурного исследования языка, не имеющих дела с понятием языкового типа — контрастивного (сопоставительного) языкознания, лингвистической характерологии, универсалологии (лингвологии). Он ощущим в постепенном утверждении в правах диахронической типологии. Наконец, его очевидным свидетельством следует считать и заметное внутреннее размежевание самой типологии на так называемую формальную, с одной стороны, и контенсивную, с другой" [1, с. 3]. Это, так сказать, экстенсивный план типологии. Не менее впечатляют ее усилия и в плане интенсивном. Активно прослеживаются типологические характеристики лексики [2], грамматики (см., например [3]), отдельных типов конструкций — каузативных, эргативных и проч. (см., например [4, 5]), межкатегориальных взаимодействий внутри одного и того же лексико-грамматического класса (6, с. 18—36), одних и тех же формантов, изоморфных для разных лексико-грамматических классов [7, с. 69—78].

Поскольку типология в ее традиционном понимании имеет дело с межъязыковыми сопоставлениями, опирающимися на результаты исследований отдельных языков, то она несет в себе главным образом обобщающее, систематизирующее начало. Не случайно она выдвинулась на передовые позиции именно с 60-х годов XX в. — с момента, к которому был накоплен огромный фактический материал, требовавший осмысления прежде всего в плане выявления черт, объединяющих или сближающих разные системы. Систематизацией, однако, не исчерпывается конструктивная роль типологии для современной науки. Типологические наблюдения и методы, как показывает исследовательская практика, дополняют и расширяют концептуальную сферу и инструментарий сравнительно-исторического языкознания. Более того, если исходить из постулата о единстве глоттогонического процесса, то типологические данные могут быть с пользой применены при реконструкции соответствующих форм в прошлом, см., например [8, с. 55—60].

С другой стороны, надежность, эффективность, эвристические возможности самой типологии не в последнюю очередь обуславливаются тем, насколько полны и адекватны те исходные сведения, на которых строятся ее собственные выводы и обобщения. Отсюда ясно: чем полнее и точнее описания отдельных языков, их категорий и т.д., тем весомее и продуктивнее наблюдения, проводимые языкознанием в сопоставительно-типологическом аспекте. Между тем

работу по адекватному описанию отдельных языковых систем, в особенности тех, которые по разным причинам редко привлекали к себе внимание, едва ли можно считать достаточной: сведения по многим из них, питающие соответствующие отрасли языкознания, и по настоящее время остаются весьма и весьма далекими от реальной картины.

Представляется важным обратить на это внимание еще и потому, что одностороннее увлечение типологическими идеями при всей их плодотворности не может не сказываться на масштабности и массовости той части языкознания, которую можно было бы обозначить как описательно-фактологическую. Речь идет о том, что типологические исследования должны базироваться прежде всего на материале тех групп языков, которые достаточно подробно описаны и систематизированы. К примеру, если типологические обобщения применительно к индоевропейским языкам, равно как и составляющим их группам, тщательно обследованным в описательном и сравнительно-историческом планах, — это закономерный шаг на пути лингвистического осмысления языковой картины индоевропейского мира в целом, то едва ли подобные подходы могут быть признаны вполне подготовленными, например, для кавказских языков, многие из которых оказываются на начальной стадии вовлечения их в систематический научный анализ. Это безусловно справедливо, в частности, по отношению к дагестанским языкам.

Попробуем проследить это на примере глагольных наклонений в восточнолезгинских языках. Обращение именно к наклонениям в данном случае объясняется тем, что они, как это будет показано на конкретном материале, здесь не только не изучены в достаточной мере, но во многих случаях даже не констатированы. А это не может не влиять на последовательность и полноту описания и собственно глагола, и синтаксических структур в силу той организующей роли, которая принадлежит в них формам наклонений. Более того, на материале тех же восточнолезгинских языков нам уже приходилось указывать на координирующую роль изоморфизма в строе имени и глагола. Анализ форм наклонений позволяет как-то расширить представления как о месте изоморфизма в подсистемах имен и глаголов, так и о процессе становления и развития самих наклонений.

В восточнолезгинских языках в их современном состоянии представлено разное количество наклонений. Можно ли это как-то объяснить? По крайней мере, трудно не обратить внимания, в частности, на то, что утрата каких-то наклонений в соответствующих языках совпадает с зарождением в них новых категорий — например, категории лица (личного сопряжения). Следовательно, наращивается предположение о зависимости (вернее — характере зависимости) между разветвленностью парадигмы наклонений, с одной стороны, и степенью развития формализованных грамматических средств в целом — с другой. Восточнолезгинские языки дают повод попытаться подойти к ответу на этот вопрос.

Наконец, о материале, на котором строится статья. В качестве основного языка используется агульский в силу того, что во-первых, в нем парадигма наклонений выступает более дробно и дифференцированно, чем в близкородственных ему, и, во-вторых, он более целостно сохраняет те четыре строя, которые, безусловно, должны быть признаны относительно древними, что подтверждается не только формами наклонений. Таким образом, агульский язык полнее представляет такие данные, которые могут быть положены в основу создания исторической ретроспективы. Из других лезгинских языков, данные которых необходимы для оценки процессов исторической динамики в восточнолезгинском регионе, привлекаются собственно лезгинский и табасаранский. Если картина наклонений в агульском позволяет судить об интересующих нас явлениях с точки зрения их целостной (системной) организации, то обращение к данным лезгинского и табасаранского языков, претерпевших заметные изме-

нения в парадигме наклонений, дает возможность увидеть структурные тенденции в динамике системы во всех рассматриваемых языках.

Среди трех имеющихся монографических исследований по агульскому языку [9—11] большей подробностью отличается работа А.А. Магометова. Но даже в ней охвачены лишь пять наклонений глагола (изъявительное, сослагательное, условное, повелительное, долженствовательное), хотя ими далеко не исчерпывается разветвленная система наклонений в этом языке [12, с. 142—143].

Поскольку индикатив с его многочисленными формами времени, — кстати, тоже не полностью описанными, — с которыми причудливо переплетаются видовые и залоговые значения, заслуживает отдельного рассмотрения, остановимся только на так называемых косвенных наклонениях.

Агульский язык в его современном состоянии насчитывает одиннадцать косвенных (ирреальных) наклонений, структурно и модально-семантически противопоставленных индикативу. Однако эта противопоставленность не является абсолютной: формы большинства ирреальных наклонений образуются на базе или путем частичного включения соответствующих форм индикатива. Так, компонентами, создающими структуру сослагательного и допустительного наклонений, выступают формы прошедшего времени, долженствовательного — формы настоящего и прошедшего времени, волюнтатива — формы настоящего и будущего времени; условное, предположительное и пересказательное наклонения опираются на формально-содержательный инвентарь всех трех глагольных времен. Что же касается таких наклонений, как повелительное, запретительное, предостерегательное, то они стоят в абсолютной оппозиции по отношению к индикативу и по образованию, и по содержанию, и по ориентированности на время, следующее за моментом речи, мыслимое проблематично.

В совокупности эта разветвленная сеть наклонений, представляя сложное многообразие грамматических, содержательных, модальных возможностей глагола, вместе с тем не может не возбудить вопроса о сущности этого многообразия с точки зрения истории (процесса становления модальных средств языка) и языковой структуры: принадлежность какого уровня языка они составляют и насколько устойчива эта фиксированная принадлежность?

Однако прежде чем попытаться ответить на эти вопросы, обратимся к обзору самих ирреальных наклонений.

1. Сослагательное наклонение. Указывает на желательное в прошлом действие, оставшееся, однако, нереализованным, неосуществленным. Поэтому содержание его форм сопровождается модальным оттенком сожаления о том, что действие не свершилось. Оно обычно реализуется в частном значении делиберативности, является способом выражения раздумья, размышления, анализа, связанного с уже свершившимися событиями, результаты которых не устраивают субъекта действия, и он воспроизводит прошлое, устанавливая между его звеньями иные связи и отношения и гипотетически соотнося их с действительностью.

Образуется сослагательное наклонение от инфинитива основного глагола при помощи форм прошедшего времени вспомогательного глагола *ij* (*i*, *iri*, *ji*), например: *zun pasiri gis* — приблизительно "я бы сказал ему". Русский язык не располагает точным соответствием, поскольку в нем оно не получило морфологически убедительного завершения, хотя реальность его в синтаксическом плане вполне очевидна [13, с. 285—291; 14, с. 484—485; 15, с. 602—603].

2. Условное наклонение. Непосредственно связано с сослагательным, связь эта проявляется и в том, что оба они функционируют параллельно в рамках одной или сходной модальности. В частности и это обстоятельство побудило А.А. Шахматова считать, что в русском языке "морфологическому сослагательному наклонению" соответствуют синтаксические желательное и условное [14, с. 484]. Вместе с тем они и противостоят друг другу: если сослагательное наклонение модально характеризует действия, отнесенные лишь к прошедшему времени, то условное наклонение, образуясь на базе всех времен индикатива

посредством суф. *šin* (-*šin*), не знает временных ограничений, — всякое действие может быть представлено как условие для совершения другого. Формы условного наклонения во всех случаях синтетичны, ср. [11, с. 137—138]. При этом в связи с формами настоящего и будущего времени выражается реальное условие, в то время как с прошедшими временами сопряжено выражение как реального, так и ирреального условия.

3. Желательное наклонение представляет то или иное действие как желательное с точки зрения говорящего. Оно не имеет форм изменения по лицам, временам и числам. Образуется и синтетически (с помощью тех же суффиксов, которые используются в условном наклонении, следовательно, речь идет о грамматически омонимичных формах, разделенных синтаксическим функционированием: желательное значение реализуется в простом предложении, условное — в сложном), и аналитически. Аналитические формы включают в себя деепричастия и/или инфинитивы с полузнаменательными словами, обозначающими желание: *haldehera uyal uyunishin* (синтет.) "хотя бы теперь пошел дождь!"; *qanihan uyal uyas*; *Qanihan uyal uyuina*; *Ha' uyal uyas* (аналит.) "если бы (хоть бы) пошел дождь!"

Независимо от компонентов, составляющих опатив, содержание его так или иначе оказывается устремленным в будущее, на что справедливо указывал А.А. Потемня, исследуя историю наклонений в русском языке: "В желании, рассматриваемом независимо от словесного выражения, осуществление, т.е. слияние возникающих в мысли образов желаемого, сложившегося из прежних восприятий, с новыми восприятиями, есть событие будущее. Согласно с этим в языке представление желательного прошедшим может рассматриваться как частный случай представления объективно-будущего прошедшим" [13, с. 272].

4. Повелительное наклонение выражает предписание к свершению действия, адресованное 2 или 3 лицу либо обращенное к 1 лицу инклюзива. Таким образом, оно располагает парадигмой всех трех лиц, однако центральное место в ней занимают формы 2 и 3 лиц, образующиеся синтетически и составляющие, как и в других восточнолезгинских языках, органическую часть морфологического строя языка. Форма 1 лица инклюзива периферийна, генетически вторична, не органична и представляет собой сочетание императива вспомогательного глагола с инфинитивом основного глагола.

Образуется оно для разных лиц по-разному: а) для 2 л. ед. ч. основной массы глаголов (исключая супплетивные формы) — чистой инфинитивной основой (*xuras* "читать" — *xur* "читай", *axas* "спать" — *ax* "спи", *likes* "писать" — *lik* "пиши") и посредством суф. *-e* (*-en*): *γuzas* "ждать" — *γuze(n)* "жди", *ucas* "косить" — *uc*, *ucen* "коси" и т.д.; во мн. ч. к форме ед.ч. присоединяется суф. *-aj* (*-waj*): *wes* "идти" — *jax* "иди" (суппл.) — *jaxaj* (*jaxwaj*) "идите"; *pas* "сказать" — *ip* "скажи" — *ipaj* (*ipwaj*) "скажите"; б) формы 3 л. императива образуются одинаково для ед. и мн.ч. посредством суф. *-raj* на базе производящих основ прошедшего времени со значением завершенности действия: *ades* "прийти" — *adi-ni* "пришел" — *adi-raj* "пусть приходит"; *xuras* "читать" — *xuru-ni* "прочитал" — *xuru-raj* "пусть прочитает"; в) императив 1 л. мн.ч. строится аналитически и включает в себя вспомогательную форму *šaw*, генетически восходящую ко 2 л. ед.ч. повел. накл. от глагола *wes* "идти", и инфинитив основного глагола: *wes* "идти" — *šaw wes* "пойдем! давай пойдём!"; *xuras* "читать" — *šaw xuras* "(давай) почитаем!"

Аналогично обстоит дело в лезгинском и табасаранском языках, хотя они характеризуются и существенными различиями. Так, в лезгинском императив 2 л. ед. ч. от многих глаголов образуется не чистой основой, как это обычно имеет место в агульском и табасаранском, а путем присоединения к ней позже развившихся суффиксов, ср.: *кӀелун* "читать" — *кӀела* "читай"; *акьалун* "закрывать" — *акьала* "закрой"; *кхьин* "писать" — *кхьыхь* "пиши"

и т.д. Здесь не различается императив по числам; в 3 л., сохраняя общий для всех языков суффикс, присоединяет его не к основе прошедшего времени, а к основе инфинитива, ср.: *кӀелун* "читать" — *кӀелрай* "пусть читает (читают)"; *кӀарагъун* "встать" — *кӀарагърай* "пусть встает (встают)"; для 1 л. мн. ч. располагает синтетической формой, не различающей инклюзива/эксклюзива: *кӀелин!* "почитаем!", *кхъин!* "попишем!", *ийин!* "сделаем!" и проч. В табасаранском в 1 л. мн. ч. императивные формы образуются отдельно для инклюзива и эксклюзива [16, с. 277—278], в 3 л. же, в отличие от агульского и лезгинского, аналитичны.

5. Долженствовательное наклонение, обозначающее действие, которое должно было или должно быть осуществлено в интересах субъекта высказывания, образуется формами соответствующих косвенных падежей отглагольных существительных в сочетании с вспомогательными глаголами в прошедшем или настоящем времени, а именно: а) формой генитива ед. и мн. ч. при помощи суффикса прилагательных и причастий *-f(-t)* плюс вспомогательный глагол (если существительные восходят к переходным глаголам): *M̄ kar akubanf i* "Это дело должно быть сделано"; б) формой локатива на *-l* плюс глагол *alx'as* "находиться на..." в том или ином времени (если отглагольное существительное восходит к глаголам непереходным): *X'in ušuwal aldia* "Мы должны пойти" [вернее — "нам нужно (должно) пойти"]. Оба способа активны в языке. Долженствовательное наклонение обладает парадигмой форм времени, хотя и ограниченной, поскольку действия его соотносятся лишь с настоящим и прошедшим временами.

Здесь нельзя не коснуться генезиса форм этого наклонения, так как в имеющейся литературе вопросы генетического плана не ставятся. Уже сами способы образования форм долженствовательного наклонения наводят на мысль об их генезисе. Известно, что одна из важнейших функций генитива — это выражение отношения принадлежности, однако в рассматриваемом случае эта функция реализуется лишь тогда, когда в генитиве выступает любое существительное, кроме отглагольного. Отглагольное же существительное, употребляясь в генитиве, участвует в оформлении долженствовательного наклонения. Следовательно, модальное отношение долженствования складывается на основе отношения принадлежности и исторически ориентировано на него. Иными словами, долженствовательное наклонение в своем становлении связано с переосмыслением так называемых масдарных форм, вовлеченных в область посессивно-предикативных отношений.

Не менее интересна и история второй разновидности оформления долженствовательного наклонения, генетически восходящей к локативу на *-l* в сочетании с вспомогательным глаголом *alx'as* "находиться на..." и известной также лезгинскому языку.

6. Запретительное наклонение (прохибитив). Исследователи агульского [11, с. 140—141], как и других лезгинских языков, обычно не выделяют запретительного наклонения, включая его формы в парадигму императива. Однако такая квалификация остается неаргументированной и, главное, не учитывает семантической, а также формально-грамматической противопоставленности прохибитива императиву. Семантически прохибитив реализует запрет, а формально-грамматически этот запрет выражается префиксом (инфиксом) *ta-* для 2 лица, *da-* для 3 лица и суффиксами соответственно *-a* (*-aj*, *-naj*, *-waj* во мн. ч.), *-raj*, ср.: *ixas* "пить", 2 л. — *тиха* "не пей", 3 л. — *duxuraj* "пусть не пьет (не пьют)". Обращение к другим лезгинским языкам показывает, что в каждом из них прохибитив оформляется по-своему, хотя это не исключает общих моментов в их эволюции. Так, в агульском и табасаранском здесь обнаруживаются принципиальные совпадения: в них обонх формант прохибитива один и тот же, заметна тенденция к унификации парадигмы в целом. Вместе с тем табасаранский язык отличается от агульского тем, что в нем в части говоров позиция аффикса прохибитива нормативна независимо от морфологической

структуры основы [13, с. 310]. Иначе обстоит дело в лезгинском, в котором прохибитивный формант *-mir* (*mijir*, *ijimir* и под.) постпозитивен по отношению к глагольной основе и даже может быть формально равнозначным отдельному полузнаменательному слову, ср.: *fin* "идти" — *fmir* (*fin ijimir*, *mifir*) "не ходи". Кроме того, в лезгинском языке 2 лицо лишено показателей числа.

7. Предостерегательное наклонение. Служит для предостережения от совершения действия, обращенного ко 2 и 3 лицам, а также к 1 л. мн. ч. инклюзива. Образуется от формообразующей основы инфинитива при помощи префикса (инфикса) *da-* в соединении с особой, предостерегающей, интонацией: *pas* "сказать" — (*wari*) *dapas!* "смотри, чтоб не проговориться!".

8. Предположительное (гипотетическое) наклонение. С помощью форм гипотетического наклонения глагольные действия, состояния переводятся в план предполагаемых с точки зрения говорящего. Образуются они на базе индикатива посредством суф. *-han*: *gur xala ahan* "дома ли они". Интонация этой формы — вопросительная, но она не содержит вопроса, требующего ответа, подобные конструкции составляют принадлежность речи, построенной в манере размышлений, сомнений. Это способ выражения мысли, в реальности которой говорящий сомневается. Для выражения неуверенного предположения употребляется и вторая синтетическая форма с суф. *-tehere*: *ti agatehere* "он, наверное (по-видимому), говорит". Обе формы предположительного наклонения являются живыми и активно действующими, а также характеризуются наличием парадигмы времени.

9. Совершенно обособленно среди других наклонений стоит волюнкатив — способ выражения ответной воли лица, которому адресуется императив или запрет. Тем самым волюнкатив ближе всего примыкает к императиву и прохибитиву, кардинально отличаясь от последних, однако, как в плане выражения, так и в плане содержания. Волюнкатив имеет положительную и отрицательную формы, противопоставленные соответственно формам императива (реакция на императив реализуется в отрицательной форме) и прохибитива (реакция на прохибитив неизменно противоположна предписанию, т.е. положительна), ср.: *xur!* "читай!" (императив) — *daxural* (волюнт.) "не буду (не стану) читать!"; *taxural!* "не читай!" (прохиб.) — *xural* (волюнт.) "буду (стану) читать!". Функциональная связь волюнкатива с императивом и прохибитивом поддерживается и структурно-грамматически: их можно квалифицировать как соотносительные морфологические категории.

Как уже говорилось, положительная форма волюнкатива соотносительна с прохибитивом, однако в отличие от последнего, адресуемого 2 лицу, она не обращена к какому бы то ни было лицу, а лишь выражает твердую волю, намерение самого говорящего осуществить то действие, на которое накладывается запрет. Она полярна прохибитиву, это, так сказать, наклонения-антонимы. Структурно положительная форма волюнкатива равна форме прохибитива без прохибитивного преф. *ta-*. Отрицательная же форма соотносительна с императивом: она выражает реакцию, направленную против того, что предписывается императивом.

10. Допустительное наклонение (пермиссив) представляет такое глагольное действие, которое вступает с другим действием в отношении обратной обусловленности. Образуется оно аналитически путем соединения причастной или деспричастной основы с утвердительной частицей *xuraj* "ладно, пусть", генетически восходящей к форме 3 лица императива: *uʃuf xuraj ge* "хотя он и пойдет...". Пермиссив употребляется и в простом, и в сложном предложениях, однако в качестве основной синтаксической среды для него выступает сложное предложение с отношением обратной обусловленности.

11. Пересказательное наклонение. В агульском как и в других восточно-лезгинских языках, есть еще одна глагольная конструкция, назначение и грамматическая природа которой в специальной литературе не описаны и не осмыс-

лены. Имеются в виду построения типа *dada gedajts učihdi ruk punaa* "отец предложил сыну прибыть к нему". Подобные конструкции включают в себя по крайней мере два постоянных компонента — это глагол речи *pas* "сказать, говорить", употребляемый в индикативе или редко — в ином наклонении, и любой другой глагол в повелительном наклонении (в нашем случае это *ruk* "прибуди"). В рамках завершенной синтаксической структуры они соединяются с именными формами в эргативном и дательном падежах. При этом оказывается, что в плане выражения логических отношений обе глагольные формы обнаруживают одностороннюю зависимость от эргативного падежа, хотя характер отношения каждой из них к последнему неодинаков: глагол в императиве — это то самое действие, на совершение либо несовершенство которого направлена воля субъекта (в эргативе), что это именно так, что императивная глагольная форма внутренне спроецирована на эргативный падеж, мы узнаем по глаголу речи, соотносящему действие императива, с одной стороны, с лицом, по чьей воле оно должно или не должно быть совершено, и, с другой — с лицом в дат. падеже, которому надлежит совершить это действие. С помощью формы глагола речи говорящий воспроизводит, пересказывает волю другого лица (в эргативе), которая мыслится в различных временных и модальных планах. Весь этот комплекс значений и относится к содержанию пересказательного наклонения. Таким образом, с помощью пересказательного наклонения говорящий выражает волю лица, не участвующего в акте речи, а также объективированную волю самого говорящего. Строится пересказательное наклонение, как уже отмечалось, аналитически: сочетанием форм 2 лица императива или прохибитива с глаголом речи в разных его формах. Изменяется лишь глагол речи, а императивные или прохибитивные формы при этом остаются неизменными.

Конструкции пересказательного наклонения по своему содержанию примыкают к каузативным конструкциям, с одной стороны, и к конструкциям с прямой речью — с другой. С каузативной структурой ее сближает то, что она имеет в своем составе переходный глагол, соотношенный с эргативным падежом, аналогичный каузативному глаголу, но в отличие от каузативного глагола, ориентированного на именительный падеж, глагол в пересказательном наклонении лишен соотносительной падежной формы и сочетается с императивом. Построение с пересказательным наклонением несводимо и к конструкции с прямой речью, хотя оно и включает в себя форму императива, прямо выражающего волю: дело в том, что глагол речи и форма императива (либо прохибитива) образуют одну синтагму, чего нельзя сказать об авторских словах и прямой речи в конструкциях с прямой речью. В плане характеристики структуры сказательного наклонения, поскольку она является аналитической, важно отметить и то, в каком порядке располагаются составляющие ее части. Компоненты пересказательного наклонения обычно имеют фиксированный порядок следования: императивная или прохибитивная формы неизменно предшествуют глаголу речи, замыкающему предложение. Сами глагольные формы располагаются контактно.

Предложенный обзор наклонений в агульском, с теми или иными различиями подтверждаемый данными и других восточнолезгинских языков, дает возможность сформулировать ряд выводов и предположений частного и общего характера, не лишенных интереса, как представляется и для типологии в целом. Что касается грамматического строя самих восточнолезгинских языков, располагающих столь разветвленной системой наклонений, с помощью которых синтаксически однообразное высказывание строится в широком диапазоне модальных значений, то здесь важно одновременно констатировать очевидную бедность этих языков грамматикализованными лексическими средствами — так называемыми служебными (незнаменательными) словами: предлогами, частицами, союзами и модальными словами. Это обстоятельство особенно рельефно

выступает при рассмотрении интересующих нас языков в сопоставлении с языками, например, индоевропейскими, в частности с русским, в котором удельный вес морфологически оформленных наклонений в системе модальных средств не столь велик, ибо в последнем функции наклонений восточнолезгинских языков оказываются "переложенными" на незначащие и полужначащие слова. Но этим дело не ограничивается. В русском языке весьма значительна роль различных схем синтаксической организации высказывания, представляющих широкие возможности для модального варьирования содержания речи. Имеются в виду, в частности, так называемые односоставные предложения, по разным признакам, в том числе и модальным, противопоставленные двусоставным; по тем же показателям тонко дифференцированные разновидности односоставных предложений, разветвленная парадигма сложных предложений и т.д.

На основании приведенных констатаций можно сделать по крайней мере следующие выводы: если вслед за Ф. де Соссюром исходить из положения, что язык — это система отношений, то эти отношения, составляющие систему, в разных языках в соответствующие этапы их истории по-разному распределяются по языковым уровням: восточнолезгинские языки в современном их состоянии представляют тип, в котором выражение модальности сосредоточено почти исключительно на морфемно-морфологическом уровне, а другие уровни в этом смысле составляют малосущественную периферию; иначе обстоит дело, например, в русском языке, в котором модальность как общезыковая функция реализуется и морфологией (наклонения), и лексикой (служебные и модальные слова), и синтаксисом (разветвленная типология предложений), и словообразованием (оценочные аффиксы). Тем самым то, что в восточнолезгинских языках выражается преимущественно синтетически, в русском актуализируется преимущественно аналитически. Кстати, аналогично обстоит дело в сопоставляемых языках и в плане реализации пространственных отношений. В том же контексте должны быть квалифицированы количественные соотношения падежей в этих языках. Следовательно, если иметь в виду агглютинативный характер образования грамматических форм в восточнолезгинских языках, то агглютинативные языки следует признать морфологоцентричными в противовес русскому (и флективным в целом), в котором выдвинутом в центр оказывается синтаксис.

Степень типологической общности даже для генетически близких языков, рассматриваемых в определенный период, относительна, ибо языковое функционирование неотделимо от процессов дивергенции. Это относится и к восточнолезгинским языкам. Так, лезгинский язык в известной мере противопоставит и агульскому, и табасаранскому по размытости некоторых из наклонений, тем самым продвинувшись в направлении аналитизма. В нем на стадии отмирания представлены такие морфологические наклонения, как должностное, предостерегательное, на стадии утраты синтетического строя — желательное. Процесс перестройки коснулся в нем и волюнтатива, формы которого сохраняются лишь ограниченным кругом глаголов, в то время как в своей массе они обнаруживают тенденцию к слиянию с формами инфинитива.

Что же касается агульского и табасаранского языков, то и здесь процессы дивергенции опять-таки оказываются масштабными и значительными. Очевидно, что главное направление расхождений — это разная степень интенсивности в выработке форм, специализирующихся в выражении соответствующих модально-грамматических значений. В порядке иллюстрации ограничимся лишь отдельными примерами. Так, волюнтатив, составляющий органическую часть морфологических наклонений в агульском, утрачен табасаранским языком в связи, как можно полагать, с развитием в последнем личного спряжения: личные формы приняли на себя те функции, которые раньше представлялись лексико-грамматически — наклонениями, изначально так или иначе ориентированными не только на временные формы, но и на участников акта речи.

Обоснованность такого предположения подтверждается также данными лезгинского языка, сохраняющего волюнкатив, но лишенного личного спряжения. И вообще внутренняя связь между морфологическими наклонениями и личными формами, а также временными, проявляющимися чаще всего как возмездительная, сравнительно легко прослеживается на материале языков разных типов. Достаточно вспомнить в этом плане историю ирреальных наклонений, например, в русском языке, в котором их важнейший формальный показатель восходит к аористу [13, с. 269—272].

Имея в виду линии расхождений между агульским и табасаранским языками, с учетом комментариев по ходу статьи, можно было бы указать и на то, что в последнем — в противовес агульскому и лезгинскому, императив 3 лица характеризуется аналитической структурой. Подобных примеров можно привести немало. Это значит, помимо всего прочего, что бытующие в специальной литературе суждения о большей близости агульского языка к табасаранскому и противопоставленности их обоим лезгинскому языку основаны не столько на анализе фактического положения вещей, сколько на вере и внешних впечатлениях.

Рассматриваемые языки, взятые в их динамике, дают повод с определенной осторожностью утверждать, что количество морфологических наклонений обнаруживает обратную зависимость от степени распределения модально-грамматических функций по другим уровням языка: чем изоощреннее и совершеннее (разнообразнее) грамматические средства и возможности языка, тем меньше в нем морфологических наклонений, к тому же явственно совмещающих в себе и признаки собственно лексических единиц (ср. содержательную нагрузку волюнкатива, прохибитива, аналитического опатива, пермиссива и др.). В свою очередь это обстоятельство, если оно замечено верно — данные разных языков этому не противоречат, — выдвигает в качестве актуальных для современного языкознания проблемы внутриязыковой типологии, соотношения между категориями морфологии и синтаксиса и др. Подобные исследования, проводимые в исторической ретроспективе, способствовали бы вовлечению типологии в историческое языкознание в качестве полноценной и конструктивной его составляющей.

Имея в виду статус морфологических наклонений в восточнолезгинских языках, нельзя не обратить внимания и на тот факт, что нередко в их образовании участвуют не только глагольные, но и именные средства. Это хорошо видно на примере долженствовательного наклонения, генетически неотделимого от масдарных форм и посессивного аффикса. Кстати, отчетливо проявляющаяся тенденция к утрате этого наклонения лезгинским языком вполне может быть интерпретирована как одно из следствий исчезновения в нем масдара и разрушения старой системы локативных падежей. В целом же все, о чем идет речь, подводит к ранее уже сформулированному на материале падежных аффиксов и глагольных приставок выводу об изоморфизме в грамматическом строе имени и глагола в восточнолезгинских языках [7]. Если изоморфизм, поддерживая синтетизм в образовании грамматических форм имени и глагола, удерживает их в рамках достаточно жесткой системы, то прекращение действия указанного принципа ведет к перестройке важных звеньев грамматического строя и эволюции его в направлении к аналитизму, что и подтверждается современным состоянием лезгинского языка. Учет эволюционных процессов в этом последнем в сопоставлении с данными агульского и табасаранского языков, в большей степени сохраняющих архаику, позволяет предположить, что вся восточнолезгинская языковая группа движется по пути к аналитизму с неизбежными потерями и в составе наклонений. В интересах типологии — как можно подробнее описать их, не удовлетворяясь имеющимся исследованиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кашков Г.А.* Принципы континентальной типологии. М., 1983.
2. *Рождественский Ю.В.* Типология слова. М., 1969.
3. Структурно-типологические исследования в области славянских языков / Отв. ред. Зализняк А.А. М., 1973.
4. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / Отв. ред. Холодович А.А. М., 1969.
5. Эргативная конструкция предложения в языках различных типов / Отв. ред. акад. Жирмунский В.М. Л., 1967.
6. *Храковский В.С.* Взаимодействие грамматических категорий глагола (Опыт анализа) // ВЯ. 1990. № 5.
7. *Тарланов Э.К.* К вопросу об изоморфизме глагольно-именных формантов в дагестанских языках // ВЯ. 1980. № 3.
8. *Тарланов Э.К.* О лексико-синтаксическом изоморфизме в истории языка // ВЯ. 1989. № 1.
9. *Дирр А.* Агульский язык // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа XXXVII. Тифлис, 1907.
10. *Шаумян Р.* Грамматический очерк агульского языка. М.; Л., 1941.
11. *Магометов А.А.* Агульский язык (Исследование и тексты). Тбилиси, 1970.
12. *Тарланов Э.К.* // ВЯ. 1972. № 2. Рец.: Магометов А.А. Агульский язык (Исследование и тексты). Тбилиси, 1970.
13. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. I—II. Харьков, 1888.
14. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941.
15. *Виноградов В.В.* Русский язык. М.; Л., 1947.
16. *Магометов А.А.* Табасаранский язык. Тбилиси, 1965.